

В.И. Мусаев

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ФИНЛЯНДИИ В 1920-е ГОДЫ

В статье идет речь о формировании и жизни русской диаспоры в независимой Финляндии после 1917 г. Рассматривается деятельность русских общественных институтов и организаций, которые создавались в Финляндии как для материальной и юридической поддержки русского населения, так и для поддержания русской идентичности, языка и культурных традиций. Наиболее известными среди них были общество «Русская колония в Финляндии», Особый комитет по делам русских в Финляндии, Русское купеческое общество в Гельсингфорсе, а также местный отдел Объединения земских и городских деятелей (Земгора). Эти организации занимались оказанием различных видов помощи русским людям, участвовали в проведении культурных мероприятий (в частности, Дня русской культуры 8 июня), устраивали русские библиотеки и т.д. В середине 1920-х годов было образовано Объединенное совещание Русских эмигрантских организаций в Финляндии. Среди эмигрантов получило распространение молодежное движение. Русские эмигранты проявляли себя почти во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: Финляндия, русская эмиграция, общественная жизнь.

V.I. Musaev

SOCIAL LIFE OF THE RUSSIAN DIASPORA IN FINLAND IN THE 1920s

The article deals with formation and the life of the Russian diaspora in independent Finland after 1917. The point is about activities of the Russian social institutions and organizations, which were created in Finland for material and legal support of the Russian population, as well as for maintaining of the Russian identity, language and cultural traditions. Among them one should mention first of all the society "Russian Colony in Finland", "The Special Committee for the Russian Affairs in Finland", the Russian merchant society in Helsinki (Helsingfors), as well as the Finnish department of the Association of zemstvo and municipal agents (Zemgor). These organizations were busy with rendering various kinds of assistance to the Russian residents, took part in organizing cultural events (in particular, the Day of the Russian Culture on June 8), created Russian libraries etc. In mid-twenties "The United Conference of the Russian Emigrant Organizations in Finland" was formed. Youth movement was also spread among the Russian diaspora. The Russian emigrants displayed themselves within almost all spheres of the social life.

Keywords: Finland, Russian emigration, social life.

Русская диаспора сформировалась в Финляндии еще в XIX в., в «великокняжеский» период. После 1917 г. в уже независимой Финляндии появились беженцы из охваченной кризисом и Гражданской войной России. В начале 1920-х годов в стране насчитывалось около 33 тыс. выходцев из России. После подписания советско-финляндского мирного договора в Тарту в 1921 г. часть беженцев вернулась в Россию, некоторые уехали в другие европейские страны. Начиная с середины 1920-х годов численность русской диаспоры в Финляндии была относительно стабильной, хотя выезд в страны Европы и в Америку в ограниченных размерах продолжался. Газета «Хельсингин Саномат», ссылаясь на данные Министерства внутренних дел, в начале 1927 г. писала о 17 тыс. беженцев из России, из которых 9500 человек составляли русские, 5000 — восточные карелы и 2500 — ингерманландцы (газета отмечала при этом, что годом раньше число беженцев составляло 21 тыс. человек и сократилось, таким образом, на 4 тыс. человек)¹. По официальным данным на конец 1927 г., в Финляндии пребывало около 15 тыс. выходцев из России, из них примерно 8500 — собственно русских эмигрантов². Согласно сведениям, датированным 1934 г., по данным органов Центральной сыскной полиции, в Финляндии также пребывало около 15 тыс. российских беженцев, из них карелы и ингерманландцы составляли 52 %, русские — 48 % (около 7200 человек). Из последних более половины находились в Выборгской губернии (лене), около трети — в губернии Уусимаа (Нюланд), остальные — в других частях Финляндии³. В 1938 г. численность беженцев в Финляндии, не имевших финляндского гражданства, составляла приблизительно 14 тыс. человек, в том числе 6300 русских, 5500 восточных карелов и 2400 ингерманландцев⁴.

Адаптация выходцев из России в Финляндии, их интеграция в местную жизнь проходили с немалым трудом. И. Еленевская, прожившая в Финляндии более 15 лет (в 1920–1930-е годы), отмечала по этому поводу: «Русские, осевшие в Финляндии, остались чуждым элементом для местного населения и сами не могли с ним сплотиться, как, например, в Югославии. Для этого мы были слишком различны и по характеру, и по подходу ко всему, не говоря уже о незнании местных языков, шведского и финского. Только в очень редких случаях, при смешанных браках или по материальным расчетам, русские эмигранты приобщались к финляндской культуре»⁵. Процесс принятия эмигрантами финляндского гражданства продвигался довольно медленно. В 1918–1919 гг. финляндское гражданство получили около 2000 русских, но в основном это были те, кто жил в Финляндии еще во времена автономии. В 1921 г. гражданство было предоставлено 134 рус-

ским, тогда как 127 ходатайств было отклонено. Самым быстрым способом получения гражданства было вступление в брак с гражданином Финляндии. Для остальных случаев закон, одобренный парламентом в 1920 г., предусматривал ценз оседлости длительностью в пять лет, при этом лицо, желавшее получить гражданство, должно было доказать способность содержать себя и свою семью. В 1920 г. численность русскоязычных граждан Финляндии составляла около 4800 человек, в 1930 — около 8200⁶.

Ситуация диктовала необходимость создания объединений, которые могли бы оказывать выходцам из России не только материальную и правовую, но и моральную поддержку, выполнять функции объединяющих центров, очагов русской культурной жизни. В 1920-е годы в Финляндии действовало значительное количество русских организаций. Старейшим среди них было Русское благотворительное общество, основанное еще в 1870-е годы. Оно продолжало действовать и в независимой Финляндии, оказывая помощь нуждавшимся эмигрантам (в 1920-е годы общество возглавлял доктор А.С. Горбатов). Средства общество добывало посредством организации благотворительных вечеров и концертов, за счет хозяйственной деятельности, в частности устройства огородов; оказывали поддержку и русские купцы, такие как А.Ф. Андреев и Н.И. Матросов⁷.

В начале 1918 г. было основано общество «Русская колония в Финляндии». Инициатором его создания выступил литературовед и журналист Константин Иванович Арабажин, который с 1913 г. занимал должность профессора кафедры русского языка и словесности Хельсинкского (Гельсингфорского) университета. 28 января 1918 г. по почину К.И. Арабажина в Хельсинки была созвана инициативная группа для образования общества, получившего название «Общество “Русская колония в Финляндии”». К.И. Арабажин стал председателем правления общества. В марте 1918 г. отделение общества было образовано в Турку (Або), в том же месяце желание стать коллективным членом общества выразило Выборгское педагогическое общество. В состав общества в качестве постоянных членов предполагалось принимать лиц, проживавших в Финляндии не менее года, имевших здесь «работу или службу»⁸. Разногласия, возникшие среди руководства общества, привели к тому, что к концу года Арабажин и его сторонники были вынуждены выйти из состава общества.

В начале ноября того же года на сцену вышла новая организация — Особый комитет по делам русских в Финляндии. Его возглавил бывший премьер-министр российского правительства А.Ф. Трепов, который в сентябре бежал из Петрограда в Финляндию при содействии немецкого кон-

сульства. Новая организация имела более определенно выраженный политический и промонархический характер. Согласно проекту положения об Особом комитете, которое было утверждено на заседании финляндского Сената 5 ноября 1918 г., он учреждался «в целях попечения о русских беженцах, политических эмигрантах и постоянных русских жителях и их семьях, как находящихся уже в Финляндии, так и вновь в нее прибывающих, и для урегулирования положения и интересов их, а равно для объединения исполнительных действий при применении к ним распоряжений и постановлений правительственных, общественных и иных установлений»⁹.

После того как финляндское правительство утвердило основные положения Особого комитета, 29 ноября 1918 г. состоялось первое официальное собрание его членов. Было избрано правление комитета в лице А.Ф. Трепова, князя В.М. Волконского, князя В.Н. Масальского, барона М.А. Таубе, Д.И. Засядко, Ф.А. Добрынина и А.Ф. Гарфельда. Местопребыванием комитета был выбран Выборг, с отделением в Хельсинки. В качестве управляющего делами комитета был приглашен полковник А.Н. Фену. Приблизительно в это же время начался съезд находившихся в Финляндии представителей промышленности и торговли. С целью не допустить раскола эмиграции вследствие наличия двух организаций, преследующих в основном одни и те же цели, по инициативе А.Ф. Трепова было решено предложить торгово-промышленным деятелям войти в состав комитета с предоставлением им восьми мест. От них в комитет вошли А.В. Карташев, С.Г. Лианозов, А.Г. Малахов, А.П. Мещерский, князь В.Ф. Оболенский, П.Б. Струве, В.С. Субботин и Ф.Ф. Утеман. Кроме того, в состав комитета были кооптированы граф А.А. Буксгевден и И.С. Иванов. Новое правление перенесло свою деятельность в Хельсинки, а в Выборге остался отдел правления во главе с товарищем председателя Э.К. Грубе. С июня 1919 г. текущими делами в выборгском отделе начал ведать прибывший в Финляндию барон Б.Н. Гревениц¹⁰.

А.Ф. Трепов, скомпрометированный своими связями с немцами, долго оставался во главе комитета. Его политическая позиция и раньше вызывала многочисленные нарекания, в том числе со стороны союзных представителей в Скандинавии. 16–17 января 1919 г. в Выборге состоялось собрание членов Особого комитета, на котором Трепов был вынужден отказаться от поста его председателя, а на его место был избран бывший обер-прокурор Святейшего Синода при Временном правительстве А.В. Карташев. Пост вице-председателя все же был оставлен за князем Волкон-

ским¹¹. Инициатива в комитете стала переходить к ориентировавшимся на Антанту представителям крупной буржуазии. Задачей комитета официально считалось «оказание помощи русским беженцам <...>, прокормление их и оказание им юридической поддержки», но этим его деятельность не исчерпывалась. Согласно программному заявлению руководства комитета, он был «намерен действовать в тесном единении с русскими организациями, имеющими целью восстановление законного порядка в России, а также считает нужным оказать помощь всем организациям, политическим и военным, подчиняющимся <...> высшему русскому командованию»¹².

Кроме того, в конце 1918 г. возник также Временный комитет по защите интересов российских граждан, находящихся в Финляндии¹³. Основной целью этого комитета была забота об имуществе российских граждан, в том числе тех, чья собственность оказалась без присмотра. В состав комитета вошли А.Ф. Андреев, крупный лесопромышленник из Салми, лесопромышленник и владелец мельничного производства Башкиров, инженер Орловский и бывший выборгский комендант полковник Колобов. Комитет добывал средства из-за границы, посредством которых он оплачивал налоги за оставленную без присмотра недвижимость русских владельцев и предоставлял займы русским беженцам. В 1920 г. в связи с тем, что источник средств у комитета иссяк и что главную роль в работе среди русских эмигрантов стал играть Особый комитет, Временный комитет прекратил свою деятельность¹⁴.

Особый комитет оставался важнейшей среди эмигрантских организаций. После роспуска Северо-Западной армии Н.Н. Юденича политический оттенок его деятельности стал менее заметным, чем раньше, больше внимания стало уделяться оказанию помощи беженцам. После того как было получено единовременное пособие от финляндского правительства, ходатайства о новых ассигнованиях неизменно отклонялись. Для изыскания средств приходилось прибегать к банковским ссудам. В феврале 1921 г. в Париже на совещании бывших российских дипломатических представителей, которое было создано по инициативе бывшего посла в Италии М.Н. Гирса (сына Н.К. Гирса, министра иностранных дел в период царствования Александра III), был образован Совет послов. Поставив себе основной целью оказание помощи беженцам, Совет послов взял под свой контроль остатки российских государственных средств, сохранившиеся за границей¹⁵. Особый комитет некоторое время получал от него субсидии. Председатель комитета А.В. Карташев уехал из Финляндии в 1923 г.

В последующие годы комитет возглавлял полковник А.Н. Фену. Его деятельность на посту управляющего делами комитета различными деятелями эмиграции оценивалась неодинаково. Глава отдела Земгора в Финляндии К.А. Александров писал в конце 1921 г., что Фену «никакой заботы о беженцах не проявляет, никакого представительства о политических правах россиян не учиняет, пользуясь средствами комиссии послов, служит угодным ему лицам и политическим течениям»¹⁶. В то же время эмиссар парижской конспиративной организации «Центр действия» полковник Н.Н. Пораделов, напротив, считал, что Фену сумел «снискать к себе доверие как финляндцев, так и представителей иностранных держав», и вменял ему в заслугу склонность «к идее демократизации комитета»¹⁷.

После того как А.Н. Фену в 1928 г. также покинул Финляндию, его место занял барон Б.Н. фон Гревениц¹⁸. С согласия финляндского правительства комитет выполнял функции консульского представительства для беженцев, утративших российское гражданство, выдавал паспорта и удостоверения личности. Консульский отдел работал на средства старого российского правительства, поступающие из Парижа. А.Н. Фену в 1922 г. подробно перечислил, в чем выражались обязанности членов комитета: «А) в выдаче паспортов, различного рода удостоверений, составлении актов, засвидетельствовании подписей, снятии с документов копий, освидетельствовании таковых, приеме на хранение документов, в разъяснении русским их прав и обязанностей, в сношениях с центральными и местными властями по вопросам о местожительстве русских, их передвижении, имуществе, в содействии к благоприятному разрешению недоразумений между представителями власти и отдельными эмигрантами, в розыске отдельных лиц <...> Б) в ходатайствах перед подлежащими властями на получение разрешений на въезд русских в Финляндию как из России, так и из-за границы, на получение финляндских транзитных и обратных виз, в ходатайстве перед представителями иностранных государств на получение для русских транзитных и конечных виз для въезда в иностранные государства, в оказании русским всевозможного содействия к облегчению выезда за границу; В) в опросе вновь прибывающих русских из России во время пребывания в карантине, в собирании сведений об их политической благонадежности, в оказании им всевозможного содействия в смысле сношения с представителями местной власти и иностранных государств»¹⁹.

Политическая составляющая, хотя и в уменьшенном виде, сохранялась в работе Особого комитета по делам русских в Финляндии. С начала 1920-х годов, после образования парижского Совета послов, у него появи-

лась более тесная связь с эмигрантскими центрами. Инспектором в Финляндии от Совета послов был назначен профессор Д.Д. Гримм, который также был представителем Национального комитета (его назначение отчасти было связано с тем, что председатель Особого комитета полковник А.Н. Фену, по мнению эмигрантских лидеров, слишком симпатизировал финнам). В Хельсинки Д.Д. Гримм с группой своих товарищей по кадетской партии издавал газету «Новая русская жизнь», финансируемую Советом послов и Национальным комитетом. На средства Национального комитета издавалась также газета «Новые русские вести». У Д.Д. Гримма и его группы имелись контакты с финскими военными, в частности с начальником штаба финской армии генералом Оскаром Энकेлем. Гримм также имел связи с лидерами кронштадтских мятежников и предпринимал попытки использовать участников Кронштадтского восстания в разведывательной и диверсионной деятельности. В эмигрантских кругах у Гримма было, однако, немало недоброжелателей, считавших его слишком правым. Н.Н. Пораделов по поводу деятельности Гримма писал в «Центр действия» в середине марта 1921 г.: «Приезд в Гельсингфорс профессора Гримма, объявившего себя представителем Врангелевского правительства, среди русских эмигрантов в Гельсингфорсе и Выборге не встретил сочувствия. Русские политические группы все без исключения (кроме группы “Новая русская жизнь”) отнеслись к этому факту отрицательно, имея каждая на то свои соображения. Взять в свои руки все беженские дела и возглавить финляндскую эмиграцию профессору Гримму поэтому не удалось, и в настоящее время его деятельность ограничивается руководством газетой “Новая русская жизнь”, продолжающей оставаться органом пропаганды военных интервенций и возрождения белых армий»²⁰. Работа представителей Национального комитета была свернута в Финляндии к 1926 г., что было отчасти связано с конфликтами в церковной сфере. Последний представитель комитета в Финляндии инженер Нехорошев был выслан из страны за то, что в прессе призывал православных верующих выступать против нового летоисчисления²¹.

Поскольку Особый комитет со времени Гражданской войны считался антисоветской организацией, советское правительство неоднократно требовало закрыть его и выслать из Финляндии наиболее активных его членов. В 1928 г. в прессу просочились известия о частных переговорах председателя комитета Б.Н. Гревеница с президентом Финляндии Л. Реландером, на которых якобы обсуждалось будущее России после падения большевистского режима. Скандал вокруг беседы Б.Н. Гревеница с президентом

Л. Реландером возник, когда достоянием гласности стали материалы переписки Гревеница с М.Н. Гирсом. В одном из писем Гревениц сообщал о том, что Реландер спрашивал его, может ли будущее российское правительство гарантировать независимость Финляндии. В ответ финская печать огласила заявление Министерства иностранных дел, в котором утверждалось, что Гревениц посетил президента Финляндии, чтобы просить его отменить приказ о высылке из страны русского эмигранта полковника А. Григорьева. Это объяснение, однако, даже в самой Финляндии не всем показалось удовлетворительным. Некоторые газеты недоумевали, почему Гревениц обратился непосредственно к президенту через голову МИД²². Финляндские власти после очередной ноты, предъявленной советским послом, были вынуждены распустить Особый комитет и предложить Гревеницу выехать из страны. Однако одновременно был создан новый Особый комитет с новым составом правления и новым уставом. Его председателем стал профессор Г.Ф. Цейдлер (Н.Н. Пораделов в донесении в «Центр действия» положительно отзывался о Цейдлере, считая, что он «пользуется как в русском, так и в финл[яндском] обществе громадным авторитетом и блестящей репутацией. У него обширные связи и большой организаторский талант»²³), занимавший ранее должность «уполномоченного Российского общества Красного Креста по Петрограду, Финляндии и Скандинавии». Б.Н. Гревениц, проведя около года за границей, вернулся в Финляндию частным порядком, а с 1933 г. он снова вошел в правление Особого комитета²⁴.

Общество «Русская колония в Финляндии» действовало на протяжении всего межвоенного периода. Его председателем до середины 1920-х годов был Р.К. Рауха, бывший военный следователь, в 1925–1932 гг. — граф В.А. Буксгевден, бывший чиновник министерства двора, а в 1932–1940 гг. — барон Р.А. Штакельберг, бывший церемониймейстер²⁵. В сентябре 1930 г. был принят и утвержден социальным министерством новый устав общества. Целью общества, согласно уставу, было «объединение проживающих в Финляндии русских эмигрантов и лиц русской национальности на началах культурных, национальных и экономических». Его более конкретные задачи заключались в следующем: «Организация всяких видов материальной взаимопомощи (кассы: ссудно-сберегательная и похоронная, кооперативы и т.п.) и содействие возникновению профессиональных, спортивных и др. объединений; создание и поддержка различных культурно-просветительских начинаний (библиотек, читален, школ и т.п.), устройство приютов, общежитий, клубов и пр.; помощь благотворительная, правовая (юри-

дические советы, содействие разрешению споров и недоразумений путем суда чести, третейского и пр.) и иная; сближение с финляндским народом путем взаимного изучения культуры и общих интересов»²⁶. Общество содержало библиотеку, клуб, детский сад, с 1925 г. оно распространило свою деятельность на сферу культуры и искусства.

Важное значение для поддержания национальных культурных традиций и сплочения русской диаспоры в разных странах рассеяния имело празднование Дня русской культуры, которое проводилось ежегодно начиная с 1925 г. в день рождения А.С. Пушкина (8 июня, 26 мая по ст. ст.) по инициативе специального организационного в Праге комитета. Общество «Русская колония в Финляндии» выступило с инициативой в деле празднования этого дня в Финляндии. На его призыв откликнулись 19 русских организаций, действовавших в Хельсинки, и их совместными усилиями этот праздник был проведен. Если в 1925 г. День русской культуры широко отмечался только в финской столице, в последующие годы его география расширилась. В 1926 г. мероприятия в рамках празднеств проводились, помимо Хельсинки, в Выборге и Райвола, а в 1927 г. также и в Келломяки²⁷. На этих праздниках зачитывались лекции по истории русской культуры, исполнялись стихи русских поэтов, фрагменты классических оперных и драматических произведений, русские народные песни. К примеру, в программу Дня русской культуры в Хельсинки в 1926 г. входили: лекция генерала С.Ц. Добровольского «Значение дня русской культуры за рубежом», фрагменты оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов», арии из нескольких других опер, сцены из «Леса» А.Н. Островского и «Ревизора» Н.В. Гоголя²⁸. Празднованию Дня русской культуры, по некоторым сведениям, оказывал покровительство сам К.Г. Маннергейм, в прошлом — генерал русской службы, в независимой Финляндии занимавший (в конце 1918 — первой половине 1919 г.) пост временного главы государства. Мероприятия этого дня посещали не только русские, но и финны и финляндские шведы.

Общество устраивало и мероприятия в честь других великих деятелей русской культуры. Например, 9 сентября 1929 г. был организован вечер, посвященный Л.Н. Толстому²⁹. Коллективным членом общества в 1930-е годы стало Русское благотворительное общество в г. Або, образованное в 1926 г.³⁰ С начала десятилетия в общество входила молодежная секция под названием «Объединение русской молодежи»³¹. В 1935 г. в состав общества «Русская колония» входили 277 членов (из которых 138 человек не имели гражданства, 128 человек имели финляндское гражданство, пять человек были шведскими подданными, двое — британскими и еще двое были

французскими гражданами)³². К 1939 г. число членов общества сократилось до 225 человек (характерно, что теперь граждане Финляндии в его составе (114) численно преобладали над лицами без гражданства, которых оставалось 100)³³.

Большую роль в оказании помощи русским эмигрантам во всех странах рассеяния играло Объединение земских и городских деятелей (Земгор), основанное еще до революции 1917 г. Деятельность Земгора распространялась и на Финляндию, где с начала 1921 г. существовал его отдел во главе с К.А. Александровым. Земгором, в частности, было открыто бюро по трудоустройству в Выборге, организована продажа изделий, изготовленных эмигрантами, выдавались стипендии учащимся, поддерживались школы и приюты, в течение некоторого времени поддерживалась издательская деятельность в Таллине и Хельсинки. На местах, однако, подчас возникали разногласия между представителями Земгора и Особого комитета. Противоречия возникали и внутри самого Земгора. В частности, председатель общего собрания членов финляндского отдела Земгора С. Андреевский в письме А.В. Карташову выражал резкое недовольство деятельностью К.А. Александрова и близкого к нему К. Тюнни (бывшего директора финской учительской семинарии в с. Колпаны Царскосельского уезда, с 1917 г. — одного из ведущих деятелей ингерманландского национального движения), который вместе с несколькими другими ингерманландскими деятелями тогда временно входил в состав отдела³⁴. Эти обстоятельства, а также сложности с финансированием заставили отделение Земгора в конечном счете свернуть свою деятельность в Финляндии³⁵. Различные организации по оказанию помощи беженцам существовали в 1920-е годы в Райвола (Совещание по оказанию трудовой помощи беженцам), Уусикиркко (Общество взаимопомощи русским беженцам), Куоккала и Оллила. Тогда же в Выборге и Хельсинки действовали союзы трудовой интеллигенции³⁶.

Свои объединения имели в Финляндии русские купцы. Еще во времена автономии было основано Выборгское русское купеческое общество. В Хельсинки русские купцы основали свое объединение в начале 1918 г. Поначалу оно примыкало к обществу Русская колония в Финляндии, но вскоре отделилось от него. В начале декабря 1918 г. было проведено учредительное собрание купеческого общества и избран его временный комитет³⁷. Зарегистрировано оно было в 1920 г. как Русское купеческое общество в Гельсингфорсе. Инициаторами его создания были генерал-лейтенант К.В. Самсонов (председатель правления общества в 1918–1919 гг.), пред-

приниматели А. Самсонов, Н. Баранов, Н. Матросов и А. Николаев. Пост председателя правления общества после К.В. Самсонова занимали А. Андреев (1919–1924), Н. Баранов (1924–1929), И. Федосов (1929–1930), А. Матросов (1930–1934), Н. Матросов (1934–1936), К. Лакс (1936–1937), Э. Эрн (1937–1940). Деятельность общества имела аполитичный характер. Помимо заботы о профессиональных интересах своих членов, общество вносило свой вклад в поддержание культурной жизни русской эмиграции. Им была основана библиотека, инициатором создания которой выступил В.Н. Шохин. К концу 1923 г. фонд библиотеки составлял 1105 книг, у нее было 108 читателей. При обществе проводились циклы лекций, которые читали, в частности, профессор К.И. Арабажин, генерал С.Ц. Добровольский. При клубе общества действовали различные кружки³⁸.

В перечне русских организаций в Финляндии, составленном в середине 1920-х годов, указаны также Союз русских торгово-промышленных деятелей и Собрание русских инженеров и технических деятелей, руководителем и того, и другого назван Э.К. Грубе. Какой-либо более подробной информации о составе и деятельности этих организаций, к сожалению, не имеется. Всего же в упомянутом перечне фигурируют 24 различных объединения³⁹. Различные организации пытались координировать свою деятельность. В середине 1920-х годов было образовано Объединенное совещание Русских эмигрантских организаций в Финляндии. Как следует из схемы положений Объединенного совещания, утвержденных на заседании 10 ноября 1925 г. (на заседании были представлены Особый комитет, общество «Русская колония», Монархическое объединение, Академический союз, Русский национальный комитет и финансовая группа Российского финансово-промышленно-торгового союза, союз «Иван Сусанин» и Союз русских инженеров и технических деятелей), оно являлось «местным эмигрантским надпартийным органом, объединяющим местные русские эмигрантские как политические, так и профессиональные, бытовые и др. организации, не признающие советской власти в России и стремящиеся к восстановлению национальной русской государственности»⁴⁰.

Известное распространение среди эмигрантов получило молодежное движение. Оно концентрировалось, в частности, в скаутских организациях. В Хельсинки скаутское объединение называлось «Следопыты». Также пользовалось влиянием Христианское молодежное движение. Из состава Русской колонии в результате конфликта представителей старшего и молодого поколений в 1936 г. вышла группа молодых членов, которая образовала независимую молодежную организацию «Звено». Среди эмигрантов

создавались спортивные общества, наиболее известными среди которых были «Старт» и «Унитас». Популярностью пользовались легкая атлетика и футбол⁴¹. Русские эмигранты, таким образом, проявляли себя почти во всех сферах общественной жизни.

* * *

¹ Helsingin Sanomat. 1927. 6. helmikuuta.

² Etsivän keskuspoliisin tiedonanto N:o 127 4.11.1927 // Kansallisarkisto (KA). Etsivän keskuspoliisin — Valtiollisen poliisin arkisto (EK-Valpo). Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440.

³ P. m. “Venäläinen emigratio Suomessa”. 11.1934 // Kansallisarkisto (KA). Etsivän keskuspoliisin — Valtiollisen poliisin arkisto (EK-Valpo). Ryhmä XXI. Venäläiset emigrantit Suomessa. Kansio 440.

⁴ *Hätynen T.* Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993. S. 248.

⁵ *Еленевская И.* Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 133.

⁶ *Haimila M.* Kun kumous vie kodin. Suomeen paenneet venäläiset 1917–1927 // Kansa ja kumous. Modernin Euroopan murroksia 1880–1930. Helsinki, 1998. S. 83.

⁷ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 133–134.

⁸ *Дубровская Е.Ю.* Жизнь русской колонии в Финляндии весной 1918 г. (по материалам русскоязычной прессы) // Зарубежная Россия. СПб., 2000. Кн. 1. С. 62.

⁹ ЛОГАВ. Ф. 506. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁰ *Еленевская И.* Указ. соч. С. 152–154.

¹¹ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. 2. Porvoo; Helsinki, 1971. S. 130.

¹² ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 341. Л. 14.

¹³ Название, возможно, не вполне точное, так как дается в обратном переводе с финского (“Suomessa olevien Venäjän kansalaisten etujen huoltoliiton väliaikainen komitea”). Найти сведения об этой организации в русскоязычных источниках пока не удается.

¹⁴ ЕК:n Viipurin osasto — ЕК:n pääosastolle. 16.12.1925 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437.

¹⁵ *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. М., 2005. Кн. 1. С. 104–106.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 100. Л. 39.

¹⁷ Там же. Д. 105. Л. 3.

¹⁸ *Еленевская И.* Указ. соч. С. 153–155.

¹⁹ Цит. по: *Миронова Е.М.* Указ. соч. С. 110–111.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

²¹ “Venäläiset emigrantit meillä ja muualla”. ЕК:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440.

- ²² Известия. 1928. 10, 11 января.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.
- ²⁴ *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Helsinki, 1966. S. 170; Еленевская И. Указ. соч. С. 155–157.
- ²⁵ Еленевская И. Указ. соч. С. 158.
- ²⁶ Устав общества «Русская колония в Финляндии». С. 1 // Helsingin Yliopiston Kirjasto. Käsikirjoituskokoelma (НУК. ККК). Venäläisen hyväntekeväisyysseuran kokoelma.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 35. Л. 5, 10, 13, 22.
- ²⁸ Там же. Л. 19.
- ²⁹ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 139–140.
- ³⁰ НУК. ККК. Venäläisen hyväntekeväisyysseuran kokoelma.
- ³¹ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 143.
- ³² Ryska Kolonin i Finland. Medlemmarförteckning till den 1 Januari 1935 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. А 2 с.
- ³³ Ryska Kolonin i Finland. Medlemmarförteckning till den 1 Januari 1939 // КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. А 2 с.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.
- ³⁵ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 136–137.
- ³⁶ КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. А 2 с.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Д. 40. Л. 342 об.
- ³⁸ Шенишина В.А. Русское купеческое общество в г. Гельсингфорсе // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: сб. ст. СПб., 2000. С. 58–60.
- ³⁹ КА. ЕК-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. А 2 с.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
- ⁴¹ Невалайнен П. Изгой. Русские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 296.